

Тина Рамм

Мама для детей Айсберга

<https://litres.ru/74213962>

Аннотация

– Камилла очень воспитанная и послушная девушка, – говорит папа, презентуя меня, как товар на рынке. – Сколько ей? Девятнадцать? Мне нужна мать для моих детей, а не третий ребенок.

Клим Высоцкий – богатый и влиятельный человек в нашем городе, но за его отчужденность, не приветливость и безразличие, все прозвали его “Айсбергом”. И именно мне суждено выйти за него замуж и стать матерью для двух его детей.

♥ История Клина из "Моя сбежавшая невеста"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1

Я долго смотрю на фотографию в белой деревянной рамке, и мне едва удастся удержаться за свое самообладание. Я обещала себе больше не плакать, но чем дольше я смотрю на счастливое лицо сестры, запечатленное на снимке, тем сильнее меня начинает трясти.

Не выдержав, я беру рамку в руки, и дрожащими руками достаю из-под картонной пластинки фотографию. Провожу пальцем по лицу сестры, и предательская слеза скатывается по моей щеке.

На фотографии я и моя старшая сестра – Вера, юные и счастливые. Мне было около восьми, а сестре четырнадцать, мы сидим на шезлонге и обе держим в руках рожки с шоколадным мороженым.

Счастливое время, которое никогда не повторится.

Дверь со скрипом открывается и на пороге появляется мама; она все еще носит траур, поэтому на ее голове темный платок, а на лицо бледное, как полотно.

– Милая, папа ждет тебя внизу, – она поднимает голову и замечает, как сжимаю в руке наш с сестрой снимок. Ее голос дрожит и хрипит, когда она продолжает: – Он хочет с тобой поговорить.

Дрожь исходит из глубин моей души, когда я заставляю себя аккуратно сложить фотографию и засунуть в карман

своей юбки. *Этот снимок будет моим талисманом.* Кивнув маме, я выхожу из комнаты сестры, в которую пришла, чтобы еще больше растерзать свое тоскующее сердце.

Мой отец был влиятельным и властным мужчиной. Ему около пятидесяти, среднего телосложения, с густыми седыми волосами, которые он укладывает так, словно у него ежедневные визиты с самим президентом. Костюм-тройка льстит его фигуре и придает величие, которое все хвалят в СМИ.

Он сидит в своем кабинете, в котором запирался на несколько дней после трагической смерти сестры, его крепкие руки сцеплены в замок и на его лице отражаются те же эмоции, что и на лице мамы: горе, боль и утрата. В общем, все то, что испытывает отец, потерявший свою старшую дочь в страшной автокатастрофе.

– Нам нужно с тобой поговорить.

Мама медленно вошла в кабинет и прежде чем запереть за собой дверь, незаметно толкнула меня в спину, чтобы я не стояла как вкопанная и подошла ближе к отцу.

– Хорошо, – медленно произнесла я.

В последний раз, когда папа начал такой разговор, он сказал мне, что отказывается отпускать меня в Лондон. Это сильно поразило меня, ведь учеба в Великобритании в лучшей школе искусств – была моей мечтой. Вере и маме удалось уговорить отца отпустить меня за границу, и я проучилась там ровно год до того, как вернулась домой.

Теперь нет моей мечты и больше нет Веры.

– Ты выходишь замуж.

– Ох, – выпалила я.

Не то, чтобы я не ожидала скорого замужества, моя семья весьма традиционна и у нас приняты браки по расчету. Вера вышла замуж в двадцать за мужчину на семь лет старше ее, но, учитывая свой возраст, я надеялась, что процесс поиска будущего мужа обойдет меня стороной как минимум в ближайшие три года.

– Ты обещал позволить мне доучиться.

– Как видишь, планы изменились, – выпалил отец и его лицо побледнело. За спиной раздались всхлипы мамы.

– Как смерть моей старшей сестры связана с моим замужеством?

Глаза отца расширились от ужаса, а рот рефлексивно распахнулся, будто он собирался возразить, но слова остались заперты в его горле. Мама ахнула и приложила пальцы к дрожащим губам. Мои родители выглядели так, словно напоминать о кончине Веры – непростительное поведение.

Возможно, я выразилась слишком грубо, но это не значит, что я не любила свою сестру. Я ее обожала, но судьба отобрала ее у нас.

– Кто он?

Папа избегал смотреть мне в глаза.

– Ты знаешь, что твои племянники остались без матери.

Я сжала губы. Дети моей сестры – Алиса и маленький Кир

потеряли свою мать. Киру еще не было и года.

– Кто он, папа?

– Клим Высоцкий.

У меня отвисла челюсть. *Нет, нет, нет. Этого не может быть.*

– Ты это несерьезно... – мой голос охрип, когда я попятилась назад, чтобы упереться лопатками в дверь, как будто побег из кабинета отца спасет меня от нежелательного замужества. – Он старше меня.

– На одиннадцать лет, Мила. Он мужчина в расцвете сил. Я сжала руки в кулаки.

– Мы так и будем игнорировать тот факт, что он – муж Веры!?

– Твои племянники нуждаются в матери, – мягко сказала мама и ее ладонь легла на моей плечо в ободряющем жесте. Я повернула голову и встретила с ее мягким и жалким взглядом. На глазах матери застыли слезы, и больше всего на свете мне хотелось избавить ее от боли.

– Почему он выбрал меня?

Я даже толком его не видела. В последний раз я видела его на пятом дне рождения Алисы, мне тогда было шестнадцать. Он меня совсем не знал. И что еще хуже: я понятия не имела, как воспитывать и растить детей.

– Он не хочет видеть чужого человека рядом со своими детьми.

– Когда? – спросила я, чувствуя, как земля уходит из-под

ног.

– Через пару месяцев.

– О, спасибо, что не прямо сейчас, когда мы только что похоронили Веру! Может, сыграем свадьбу на ее костях!?

Мама снова ахнула и схватилась за голову.

– Господи... Мои нервы, мои бедные нервы...

– Надеюсь, ты избавишься от этого раздражения до встречи с Климом. Такой мужчина, как он, не потерпит твоей дерзости! – отец сжал руки в кулаки и, видимо, именно он был движущей силой этого брака.

– Как вы можете выдать меня за него замуж? А как же память о Вере? Как бы она отреагировала на то, что вы кладете меня в постель к ее мужу?

При упоминании моей сестры, мама схватила свой носовой платок и стала тихонечко рыдать, забившись в угол кожаной софы. Папа выглядел разъяренным, он никогда не терпел моего дерзкого характера, но все же он любил меня настолько, насколько может себе позволить человек его статуса. В нашем мире мужчинам не принято показывать привязанность к женщинам.

– Тебе не обязательно с ним спать, милая, – сказал папа мягким голосом после того, как ему потребовалось несколько долгих секунд, чтобы унять свой гнев. В конце концов, он насильно выдавал замуж свою любимую младшую дочь. – Твои племянники, Алиса и Кир, такие маленькие и нуждаются в матери. Неужели ты позволить им расти без мате-

ринской любви?

Я поджала губы.

Несмотря на то, что я практически не знала своих племянников, мое сердце больно сжималось при мысли, что эти несчастные дети остались без матери. Вера любила их больше жизни и, должно быть, эти малыши чувствуют себя невероятно одинокими.

Готова ли я отказаться от своего будущего ради счастья своих племянников? Да.

Готова ли я стать женой взрослого мужчины в девятнадцать лет? Наверное.

– Я согласна.

Мама моментально перестала рыдать, губы отца скривились в легкой улыбке, а воздух, казалось, прекратил искрить напряжением.

– О, Камилла, ты даже не представляешь, насколько это важно для твоих племянников! – мама погладила меня по щеке, будто я была маленьким пуделем, выигравший ей приз на собачьей выставке. – Я начну подыскивать место. Мы сыграем свадьбу через пару месяцев.

– Клим хочет встретиться с тобой перед помолвкой.

Я почувствовала, как мои внутренности сжимаются под натиском паники.

– Когда?

– На следующих выходных он приедет на ужин в наш дом.

Скоро я увижу своего будущего мужа.

Глава 2

– Не думаю, что Клим оценит твою угрюмость... Или джинсы.

Взволнованный голос мамы заставил меня оторвать взгляд от своего отражения в зеркале и посмотреть на ее лицо. Она стояла позади меня и следила за каждым моим движением, словно надзиратель. На ней было приталенное бежевое платье-футляр, светлые волосы собраны в низкий пучок и высокие каблуки. Прошло уже больше трех месяцев после смерти Веры, и мама, наконец-то, прекратила свой траур и сняла черное.

– Я хорошо выгляжу, – твердо ответила я и повернула голову обратно. Не вижу ничего плохого в своих джинсах и обычной черной блузе.

– Ты выглядишь красивой и молодой, а не изысканной и женственной, как леди.

– Хочешь сказать, не как ты?

Мама была идеальным примером настоящей леди из высшего класса. Ровная осанка, длинная, лебединая шея, брендовые вещи из люксовых домов всего мира, замедленная речь и умение вовремя замолчать, когда это требуется. Нашим миром правили мужчины, а женщины должны были смотреть за домом и растить детей.

Абсурд.

– Если Клим Высоцкий хочет леди, он должен прекратить совращать малолетних.

Мама ахнула, прижимая руку к сердцу, словно я собственноручно отправила ее в могилу раньше времени. Я уже предвидела, как она скажет через пару секунд *“Ах, мои бедные нервы...”*

– Ты сведешь меня в могилу, Камилла! Ты же знаешь, какие слабые у меня нервы...

Я попыталась скрыть улыбку кашлем.

– Я желаю тебе только счастья, моя милая, – вздохнула мама и сделала шаг назад, оценивая свою работу. Она кудесничала над моими волосами около часа: темные локоны волос ниспадали блестящими волнами по моим плечам и спине.

– Твои джинсы... – мама сморщила идеальный нос. – Сними их, они портят всю картину.

– Вы собираетесь выдать меня замуж за бесчувственного старика, так что оставьте мне хотя бы право выбора одежды.

Моя мать, как обычно, бежала впереди паровоза, уже представляя, как я стану идеальной домохозяйкой и любящей женой, но она отказывается видеть, что я только недавно окончила школу и едва умею ладить с детьми. Я все еще не могла осмыслить, что мне предстояло взять на себя ответственность за двух маленьких детей.

Я – та, которая ни за что на свете не хотела брака с кем-то столь влиятельным и безразличным, как Клим Высоцкий. Я – та, которая хотела остаться в одиночестве, окончить школу

искусств и стать известной виолончелисткой.

Называя Клима бесчувственным, я не преуменьшала. Все в нашем обществе знали его как *“Айсберг”*, все потому что он прятал свои эмоции под десятью замками, от него всегда веет холодом и отчужденностью, лишь изредка за всю его жизнь людям удавалось увидеть его улыбку.

И мне предстояло стать его женой.

Мама положила руки на мои плечи и произнесла, глядя на меня с легкой улыбкой:

– Спущусь вниз и посмотрю, все ли там готово. Будь в своей комнате и жди, когда я или твой отец позовем тебя.

Мама кивнула мне и вышла за дверь, оставив меня одну с ворохом спутанных мыслей и удушающей паникой.

Я никогда не следовала правилам, так почему должна начинать сейчас?

Приоткрыв свою дверь, я стала прислушиваться к звукам, доносящимся с первого этажа. Мама командовала служанками, заканчивая приготовления к моей первой встречи с будущим мужем.

Двигаясь незаметно, я прошмыгнула во внутренний двор и направилась к теплице, в которой всегда пряталась в детстве. Я была слишком взволнованная, и мне необходимо было успокоиться перед встречей с Климом.

Однако мне недолго удалось побыть одной, вскоре за спиной раздались тяжелые шаги, и голова папы выглянула из-за ограждения.

– Я шел в твою комнату, чтобы поговорить с тобой, – он мягко улыбнулся и пролез в теплицу. Ему пришлось склонить голову, чтобы поместиться. – Я знал, что найду тебя здесь.

Он сел рядом со мной на лавочку и внезапно я почувствовала себя маленькой девочкой. Каждый раз, когда родители ссорились, я приходила в эту теплицу, ела свои любимые батончики «Баунти» до того момента, пока папа или Вера не найдут меня.

– Как мне выходить замуж за старого педофила, папа?

– Клим не так уж и стар, Мила, – он погладил меня по руке. – Ему всего тридцать лет. К тому же, он не педофил, откуда такие мысли?

Я пыталась думать о мужчинах его возраста, но никогда не обращала на них внимания. Меня всегда привлекали мои ровесники, либо парни старше минимум на два года...

Я видела мужа Веры очень давно, он был красивым и высоким парнем, вдруг за эти годы он стал жирным животным? Я в панике взглянула на папу, его глаза смягчились.

– Не смотри на меня так, будто я тебя предал. Стать женой Клим и подарить своим племянникам счастливое детство не так уж плохо, как ты думаешь. В конце концов, Вера любила своего мужа до безумия, значит, он обращался с ней очень хорошо.

Что-то неприятное кольнуло мое сердце.

– А что насчет любви? Он до сих пор любит Веру и этот

брак... он... он не работает, папа. Мы будем женаты лишь на бумаге, между нами никогда не будет искренних чувств.

Папа провел рукой по моим завитым волосам.

– Никогда не говори никогда, моя милая девочка, – он нахмурился и судорожно выдохнул. – Я никогда не видел тебя такой испуганной, прости меня за это решение, Мила. Смерть твоей сестры сломила нас всех и я стараюсь найти выход, который устроил бы всех членов нашей семьи.

Я уставилась на свои кроссовки. Я знала, что родителям тяжело, мне тоже было нелегко все эти месяцы, я потеряла старшую сестру и лучшего друга, но нам всем нужно было двигаться дальше, потому что жизнь не стояла на месте.

– Давай сделаем это и посмотрим, что из этого выйдет, – сказала я с натянутой улыбкой. Я не должна подвести своих родителей.

Я шла к дому и обнимала себя руками, пытаюсь согреться. Вечером было невероятно холодно, а я не успела захватить с собой верхнюю одежду, когда выбегала из дома. Папа ушел десять минут назад, а я осталась в теплице, чтобы собраться с мыслями.

Я собиралась вернуться в свою комнату, но приглушенные мужские голоса, доносящиеся с крыльца нашего дома, заставили меня остановиться. Пытаясь двигаться бесшумно, я выглянула из-за угла и увидела двух курящих мужчин, рядом с темной машиной марки Бентли.

Весьма трудно было догадаться, кто из них был Климом, оба мужчины были одинакового роста, широкоплечие и в дорогих костюмах. Но в отличие от своего собеседника, который изредка улыбался, выражение лица Высоцкого было стальным. Даже шутки друга не заставили его улыбнуться.

Клим не выглядел *старым* – уж точно не толстой свиньей, как я назвала его ранее. Его мускулы проступали даже сквозь слои ткани, его лицо сплошь было покрыто острыми углами и темной щетиной. Это была намеренная щетина, а не та, что кричала о нехватки времени или заботы.

Он медленно подносил ко рту тлеющую сигарету, вдыхал ядовитый дым в легкие и через мгновение выпускал облако серого дыма. Клянусь... Ничего сексуальнее раньше я не видела...

Клим Высоцкий был взрослым мужчиной, очень внушительным и сильным, а я недавно поступила в ВУЗ. О чем мы с ним должны были говорить? На каких принципах можно было построить с ним семью?

Я любила играть на виолончели, ночные пробежки и громкую музыку. Сомневаюсь, что все это имеет значение для такого человека, как он. Тревога сжала мои внутренности. Меньше чем через месяц мне придется спать с этим мужчиной и познакомиться с его детьми.

Он не выглядел так, словно носил траур по Вере, но, тем не менее, учитывая, что он – бездушная машина, его отсутствие эмоций ничего не значило.

– Ты видел ее фотографию? – спросил второй мужчина, тем самым вырывая меня из размышлений.

Он достал из брюк телефон, и показала Климу экран, видимо, с моей фотографией. Мне внезапно стало не по себе, а щеки обдало жаром.

– К черту это, Артур, убери нахрен, – резко сказал Клим, заставив меня поморщиться. Он выкинул сигарету на пол и наступил на окурок ботинком. – Я чувствую себя гребаным педофилом, смотря на этого ребенка.

Артур опустил телефон, еще раз разглядывая мою фотографию.

– На этой фотке ей лет десять, и у нее еще брекететы. Брось, прошло девять лет, уверен, девчонка подросла и стала женщиной, – Артур убрал телефон обратно в карман. – Она была симпатичным ребенком. Могло быть и хуже.

– Искренне надеюсь, что она избавилась от брекетов и не будет похожа на Веру. Я не смогу жить с ее копией и осознавать, что это младшая сестра моей покойной жены.

Что-то в его голосе указало на эмоции, но, возможно, мне просто показалось. Смесь гнева, тоски и унижения захлестнула меня.

Артур откашлялся и продолжил более серьезным и мрачным голосом:

– Вера погибла три месяца назад, ты должен двигаться дальше.

– Легко говорить, когда ты счастлив в браке, не так ли? –

холодно отрезал Клима и у меня пробежались мурашки вдоль позвоночника.

– Я бы не смог жить без Лики. Твоя сестра – весь мой воздух и ты это знаешь.

Так вот кем был друг Клим. Артур Наварский – муж сестры-близняшки Клим. Я слышала слухи десятилетней давности, которые ходили об их паре. Много лет назад Лика сбежала с собственной свадьбы, а Артур отправился на ее поиски, пытаясь вернуть сбежавшую невесту.

– Лика все еще не одобряет этот брак. Она отказывается слышать о том, как ты собираешься трахать школьницу.

Я чуть не задохнулась. Мне пришлось закрыть свой рот руками, чтобы я случайно на эмоциях не выдала себя.

– Я не собираюсь трахать школьницу. Она будет смотреть за моими детьми, я не притронусь к ней.

Я облегченно выдохнула. Быть может, этот брак был не такой уж и плохой идеей?

Послышался голос отца и его слова о том, что он рад видеть Клима и Артура в нашем доме. Это мой сигнал сваливать. Я быстро развернулась на пятках и побежала обратно в дом, собираясь вернуться в комнату, как подобает послушной девочке.

Приветствую всех своих читателей на моей новой истории! Не забываем отложить книгу в библиотеку и поставить "Сердечко - мне нравится"

Если отложите книгу в библиотеку, то гарантированно будете получать уведомления о новых главах)

Я, в свою очередь, обещаю вам море эмоций, много страсти и чуть-чуть стекла.

Глава 3

Когда я вошла в нашу столовую и вспомнила разговор Клима и Артура, который недавно подслушала, я почувствовала себя последним щенком из помета, от которого зоомагазин ждет не дождется возможности избавиться.

Папа, широко улыбаясь, пожал руку сначала Климу, затем Артуру. Я стояла рядом с мамой, которая нацепила свою тысячеваттную улыбку, когда Клим, Артур и отец направились в нашу сторону. Мои губы тронула легкая улыбка, которая сияла значительно меньше, чем у мамы.

– О, Клим, мы так рады снова увидеть тебя, как поживают наши внуки? – зашепетала мать.

Клим и Вера жили в другом городе, за тысячи километров отсюда, именно поэтому мама и папа редко видели своих внуков.

– Они в порядке, – сухо ответил Клим, продолжая игнорировать меня, будто мое присутствие в этой комнате было незаметным.

– Клим, это моя младшая дочь – Камилла, – сказал отец, чтобы перевести внимание жениха на мне. Мои внутренности сжались, а тело бросило в пот, когда его холодные, бесстрастные глаза нашли мое лицо.

– Камилла... – словно пробуя на вкус, произнес Клим ровным, бесстрастным голосом.

– Очень рада снова видеть тебя, – сказала я, немного наклонившись. Из меня неплохая актриса, спасибо дорогой мамочке.

Мой будущий муж прищурил глаза, и на мгновение мне показалось, будто он смог распознать язвительный подтекст моих слов, но я продолжала улыбаться и сиять так, словно я выиграла чертову лотерею в замужество.

Он обратился своим пустым немигающим взглядом в сторону моего отца.

– Мне бы хотелось поговорить с Камиллой наедине. Вот так. И никаких традиционных расшаркиваний.

– О, конечно, – быстро сказал папа, взяв маму за руку и уже уводя ее.

Артур засунул руки в передние карманы своих брюк, хмыкнул, бросая в мою сторону последний взгляд, прежде чем произнести:

– Константин, почему бы нам не попробовать изысканный шотландский виски в вашем кабинете?

Отец заулыбался во все тридцать два зуба и уже через мгновение раздался хлопок закрываемой двери, что могло означать только одно – я осталась наедине с Айсбергом.

– Я так понимаю, ты не против, – сказал Клим, заставляя меня вернуть к нему взгляд.

Он казался настолько сдержанным и собранным, как будто его эмоции была зарыты глубоко внутри. Так глубоко, что он сам не смог бы добраться до них. Я задалась вопросом: это

было из-за смерти Веры или от его собственного характера?

– Да, – ответила я, от всей души надеясь, что он не заметит, как я нервничаю. Я кивнула в сторону дивана. – Не желаешь присесть?

Клим кивнул, и мы прошли вглубь гостиной. Я опустилась на диван, а будущий муж сел в кресло напротив. Мне казалось, он устроится рядом со мной, но его вид говорил о большем удовлетворении расстоянием между нами, которое соответствовало приличиям. Он внимательно осмотрел мой внешний вид и когда его глаза опустились к моим джинсам и кедам, его брови свелись к переносице.

– Думаю, отец сообщил тебе, что наша свадьба назначена на пятое августа.

– Да, он сообщил мне несколько дней назад.

Я пыталась распознать в его голосе долю печали или тоски, но не было ничего. Я сложила руки на колени, переплетая пальцы и надеясь, что Клим не заметит мою дрожь.

– Я понимаю, что после похорон твоей сестры прошло несколько месяцев и если ты считаешь, что еще слишком рано, мы можем отменить наши договоренности.

Договоренности? Моей сестры? Он сейчас это серьезно?

Волна гнева поднялась во мне, и мне пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы сдержать свой пыл.

– Она была не только моей сестрой, но и твоей женой, если ты не забыл.

О нет, моя мать убьет меня, а отца хватит удар, если из-за

моей дерзости Клим расторгнет помолвку.

– Прощу прощения, – я прочистила горло и стыдливо опустила глаза в пол, ощущая, как жар ползет вверх по моей шее, прямо к лицу. – Мне не стоило этого говорить.

Загустевший свинец его взгляда прожиг кожу льдом, также как и его голос, чужой и отстраненный:

– Нет, все нормально. Я понимаю твои чувства, ты не хотела этого брака, но вернемся к делу. Я хочу, чтобы ты знала, во что ввязываешься.

Мне стало не по себе, но, тем не менее, я сглотнула ком в горле и кивнула, побуждая его продолжать.

– У меня двое детей, о которых нужно заботиться. Алисе почти пять лет, а Киру будет шесть месяцев, когда мы поженимся.

Он достал телефон и показал фотографию, сделанную незадолго до смерти Веры, но она на фото не присутствовала. На фото Алиса держала на руках трехмесячного Кира.

– Я видела Алису всего два раза, а Кира я вижу впервые, – сказала я, продолжая рассматривать племянников с легкой улыбкой. – Они очаровательны, и как мило Алиса держит своего братика.

Он лишь кивнул, убрав телефон обратно в карман.

– Ты всегда так одеваешься? – он указал на мой наряд. Я посмотрела вниз на свои джинсы и обычные белые кеды, и нахмурилась.

– Мне нравится мой стиль.

– А мне нравятся платья, – сказал Клим ровным тоном.
– Элегантные платья, подходящие для женщины. Я ожидаю, что в будущем ты будешь одеваться более элегантно. Ты должна соответствовать моему статусу. Если ты предоставишь мне свои мерки, я пошлю кого-нибудь обновить тебе гардероб.

Я чуть не поперхнулась собственной слюной, когда вытаращила глаза и еле сдержала дерзкие слова.

– Понятно? – спросил он, когда я продолжала молчать, не зная, как реагировать на его нетерпящий противоречий тон.

– Хорошо, – я кивнула.

Терпения, Мила, только терпения.

– Официального празднования помолвки не будет, у меня нет на это времени. Завтра я улетаю в Лос-Анджелес на деловую встречу.

– Я познакомлюсь со своими племянниками, прежде чем бы поженимся? Или твой дом?

– Нет. Мы больше не увидимся больше, и ты познакомишься с моими детьми только после свадьбы.

Меня раздражало то, как он называет моих племянников “своими детьми”, будто я не имела на них никакого права, как их тетя.

– Тебе не кажется, что было бы лучше, если бы я провела с ними некоторое время перед свадьбой?

– Не понимаю, какое это имеет значение, – резко ответил он и все мои внутренности сжались от его холодного тона.

Смогу ли я когда-нибудь нормально реагировать на его отчужденный голос?

– Хочешь еще что-нибудь мне приказать? – съязвила я, не выдержав его диктаторского тона. Мы не в средневековье, чтобы мною так командовали.

Клим лишь прищурил глаза, но покачал головой. Он потянулся в карман пиджака и протянул маленькую бархатную коробочку. Я приняла ее и открыла. Внутри находилось бриллиантовое кольцо.

– Надеюсь, тебе понравится дизайн.

– Да, благодарю.

После небольшой заминки, я взяла кольцо и надела его себе на палец, потому что Клим никак не дал понять, что хочет сделать это сам. Я опустила глаза к его правой руке, и мой желудок резко сжался: он по-прежнему носил свое старое обручальное кольцо. Непонятная горечь разочарования наполнила меня. Я знала, что он любил Веру, но почему он продолжает его носить, когда собирается взять меня в жены? Или это просто привычка?

Он заметил мой взгляд и впервые за все это время его бесстрастная маска соскользнула, но это случилось так быстро, что я не была уверена, что действительно увидела. Клим не стал извиняться или объясняться, но от такого как он, этого и не стоило ожидать.

Внезапно телефон Клима завибрировал, и он вытащил его из переднего кармана брюк. Закончив печатать, Клим засу-

нул свой телефон обратно в карман и молча встал. Я тоже поднялась, заняв себя разглаживанием несуществующих складок на своей блузе, чтобы скрыть раздражение за заученными манерами.

– На этом все, – произнес он холодно.

Я кивнула и, не пытаясь напоследок взглянуть в его лицо, направилась в сторону двери, ощущая на своем затылке покалывание от пристального взгляда.

– Как все прошло? Клим не выглядит довольным. Это ты его чем-то обидела? – мама вцепилась в меня сразу же, стояло мне только закрыть за собой дверь.

Отец и Артур уже вышли к Климу, чтобы составить ему компанию.

– Конечно, он не выглядит довольным. Лицо Клим заморожено в одном выражении, – фыркнула я, прежде чем недовольно скрестить руки на груди.

– Тише, Мила! – мама прислонилась ухом к двери. – Вдруг он тебя услышал?

– Не думаю, что его это волнует.

Мама посмотрела меня сквозь ресницы.

– Ты должна быть счастлива, Камилла. Ты помогаешь своим племянникам вырасти в полной семье, и ты выиграла мужа в лотерею! Мало кому везет выйти замуж за владельца винодельни!

Ага, кроме двум твоим дочерям...

Клим хотел вылепить себе жену из глины, хотел превратить меня в изысканную леди, которая будет исполнять обязанности нянечки. Может, он думал, что мой возраст делает из меня бесхребетной марионеткой, которая склонится перед своим хозяином при малейшем движении за ниточки.

Но он не знает, что я отказываюсь подчиняться без борьбы.

Глава 4

Звук моей виолончели певучий и напряженный, в верхнем регистре на нижних струнах слегка сдавленный. Звук, исходящий из этого инструмента, всегда напоминал мне человеческую речь, разговор по душам, может, именно поэтому я всегда запиралась в своей комнате, чтобы вылить все свои эмоции через игру.

Ни один инструмент не способен так точно, проникновенно передать практически весь спектр существующих эмоций.

Я играю, кажется, до раннего рассвета. Никто не останавливает меня, потому что знают, если в доме звучит виолончель – значит, я в не лучшем расположении духа. К тому же стены в моей комнате имеют хорошую звукоизоляцию; папа специально обустроил для меня эту часть дома, чтобы я могла играть часами напролет, не отвлекаясь.

В мои уши проникает громкий стук в дверь, я игнорирую это непростительное вмешательство и начинаю играть быстрее, усерднее и громче. Звук вновь разрезает пение виолончели и на этот раз моя игра со свистом обрывается, и я опускаю вниз смычок.

Опустив руку вниз, я впервые за долгое время открываю глаза. В комнате невероятно темно, я даже не знаю, какой сейчас час. Полагаю, раннее утро, судя по тонкой полоске

тусклого света, проникающего через плотные шторы.

Я поднимаю руку к лицу и понимаю, что мои щеки мокрые. Я плакала во время игры и даже не заметила этого. Установив инструмент за подставку, я быстро вытираю предательские слезы и шмыгаю носом, прежде чем подойти к двери.

Меня приветствует нахальная ухмылка и каштановые волосы.

– Спасибо, что соизволила вылезти из своей пещеры.

Не удосужившись получить приглашение, Ярослав распахивает дверь моей комнаты, и в наглой манере входит внутрь. Я уже привыкла к его нахальству, поэтому тяжело вздыхаю и закрываю за ним дверь.

– Мать твою, как здесь темно, – он подходит к окну и резко распахивает шторы, отчего яркий свет слепит глаза.

– Ты пришел сюда, чтобы поиздеваться надо мной? – все еще прищуривая глаза от яркого света, я присаживаюсь на край своей кровати и подтягиваю ноги под себя.

– Ты не отвечала на мои сообщения сутки. Мне даже пришлось пропустить свои занятия, – он встал возвышаться надо мной, внимательно изучая мое лицо.

Яр был высоким, мускулистым и широкоплечим. Пряди его темных волос падали на глаза, отчего у него вошло в привычку проводить пятерней по волосам. У него настолько острые скулы, что об них можно было порезаться. Но голубые глаза сильно контрастировали с его темными волосами и за-

горелой кожей.

– Очевидно, я не хотела никого видеть.

– Я это понял, как только услышал твою виолончель в прихожей твоего дома, – он присел рядом со мной. – Ты переживаешь из-за брака со старым педофилом?

Яр был моим лучшим другом, мы выросли вместе и учились в одном классе до того, как я поступила в Лондонскую школу искусств. Он занимался скульптурами, Яр создавал невероятные шедевры своими пальцами, хотя его руки в большую часть времени были покрытые ссадинами и порезами. Однако Яр все еще скрывал причину, из-за которой он получал эти раны. Я полагаю, что он занимался подпольными боями, или что-то в этом роде.

– Клим хочет переделать меня, ему не нравится мой стиль.

– Ты прекрасно выглядишь.

– Не думаю, что мой будущий муж согласен, – пробормотала я.

Яр отстранился, изучая мое лицо. Его вина и беспокойство добавили еще один груз к моему и без того тяжелому сердцу.

– Он – полный идиот, если не ценит твою красоту, – тихо сказал друг.

Мы с ним всегда были и будем друзьями. Без исключений.

– Все не так просто, Яр. Клим Высоцкий – взрослый мужчина, шишка в светском обществе и владелец огромной винодельни. А, я еще говорила, что он – муж моей покойной

сестры и мои родители буквально подкладывают меня к нему в постель?

Лицо Яра сморщилось.

– Ты говорила, что слышала, что не хочет тебя.

Я поджала губы и обняла свои ноги, положив на них подбородок.

– Да, это так, но вдруг что-то изменится? Я не хочу спать с ним.

– Неужели он так ужасен? У него жирное пузо или от него пахнет старостью? – в голосе Яра слышались веселые нотки, и это должно было поднять мне настроение, но в моей голове возник образ Клим; его широких плеч и рельефных мышц, обтянутых плотной тканью. Он точно не был противным, он был... сексуальным. Ему была присуща мужская суровость и брутальность, которой не обладал ни Яр, ни один из моих сверстников.

– Он точно не ужасный, но почему это должно меня волновать? Я говорю о том, что мне придется взять на себя ответственность за воспитание двух детей, а я даже не умею менять подгузник!

– Эй, не гони пургу, – Яр притянул меня к себе и обнял в дружеском жесте. – Видео-уроки на ютуб в помощь!

– О, Боже... – застонала я.

Дверь в мою комнату распахнулась, и только один человек мог войти без стука – моя мать. Она держала в своих руках многочисленные картонные пакеты, и я была удивлена, как

она могла вместить их в своих маленьких ладонях. Ее лицо сморщилось, когда она увидела, как Яр обнимает меня.

– Мила, твой жених прислал тебе подарки! – мама с трудом сдерживала волнение, ставя пакеты на пол и начиная их распаковывать.

Это была одежда с платьями, юбками и блузками Макс Мары, Шанель, Диор и многих других ее любимых дизайнеров. Очевидно, она помогла Климу при выборе одежды. Платья были красивыми и элегантными. *Это была вовсе не я.*

Я понимала, что Климу нужно создать определенный имидж для публики, и на официальных мероприятиях я бы точно не надела свои джинсы и кеды, но я думала, что он попросил меня купить несколько платьев на выход, а не делал это за меня, словно не ценит мое мнение – что, конечно, имело место быть.

Наши неодобрительные взгляды с Ярославом встретились, когда мама продолжала рыться в пакетах и восхищаться туфлями от Ив Сен Лоран.

– Давай, померь это платье, Камилла! – сказала мама, доставая элегантное бежевое платье-силуэт.

Яр быстро встал с моей кровати, обнял меня напоследок и подошел к двери:

– Спасибо за ваше гостеприимство, Анна Александровна, – сказал он, хотя мы оба знали, что моя мать не выносила его. Затем его взволнованный взгляд переместился на мое лицо.
– Ты боец, помнишь?

Я благодарно улыбнулась Яру прежде, чем он закрыл за собой дверь. Мама вцепилась в мою руку мертвой хваткой:
– Не позволяй этому мальчишке разрушить твой брак!

Клим

Месяц до свадьбы пролетел незаметно – бесконечная черед трудowych будней, бессонных ночей и слезливых детских истерик.

Утром в день перед мальчишником я присел на корточки перед Алисой. Она сидела на диване и смотрела мультики на телевизоре, словно загипнотизированная. Ее светлые волосы торчали во все стороны после сна, но она не позволяла Марине расчесать их.

– Алиса, мне нужно с тобой поговорить, – я провел по ее волосам и заправил выбившуюся прядь за ухо. Она даже не моргнула. – Посмотри на меня.

Она нахмурилась, отчего ее маленький носик дернулся. Это была ее единственная реакция. Я схватил пульт и выключил телевизор

– Ты помнишь твою тетю Камиллу? Очень скоро она переедет к нам. Она будет твоей новой мамой. Она будет заботиться о тебе и о Кире.

Ее маленькие плечики округлились, подбородок начал дрожать, и вскоре из голубых глаз полились слезы.

– Ну, хватит, – прошептал я и прижал ее маленькое тело к себе, параллельно вытирая своей малышке слезы. Я пытался

прижать ее к груди, но она вырывалась. В конце концов, я отпустил ее.

После смерти Веры дочка искала моей близости, но я был слишком сломлен кончиной жены и занят организацией ее похорон, а теперь Алиса снова стала игнорировать меня.

– Мне не нужна новая мама! Я хочу к своей маме! Когда она вернется?

– Я же говорил тебе, что мама не вернется. Сейчас она там, наверху, смотрит на нас с неба.

Лицо Алисы еще сильнее покраснелось.

– Ты врешь, ты мне врешь! – она кинула в меня свою мягкую игрушку и, быстро развернувшись на босых ногах, побежала на второй этаж в свою комнату.

Я знал, что ее лучше не трогать. По какой-то причине Алиса винит меня в смерти своей мамы и теперь считает меня врагом номер один. Не говоря больше ни слова, я вышел из гостиной и поднялся в комнату к Киру. Марина – няня моих детей, поспешно вышла, предусмотрительно сдержанно мне улыбнувшись.

Я склонился над кроваткой, Кир посмотрел на меня и улыбнулся беззубой улыбкой. Я осторожно просунул ладони под его крошечное тело и поднял на руки. Прижав к груди, я погладил его по темно-русые волосы. Если с Алисой мой ген темных волос потерпел фиаско, то Кир целиком и полностью был похож на меня. Прижавшись поцелуем ко лбу Кира, я вспомнил, как впервые сделал это в день его рождения.

Кир залепетал, и я снова поцеловал его в лобик. Он, на удивление, был спокойным младенцем, но, как и все другие дети, плакал когда кто-то кроме моей сестры или меня обнимали его. Я мог только надеяться, что он быстро привыкнет к присутствию Камиллы.

Я положил его обратно, но Кир вытянул свои ручки, начиная тянуться ко мне, но я не мог оставаться с ним дольше, вначале у меня были дела в винодельне, потом нужно было отправляться на мальчишник. И то, какой грустью наполнились его большие оливковые глаза – разорвало мне сердце.

Я был удивлен, когда Артур согласился пойти со мной на мальчишник. Когда он женился на моей сестре, он немного сдал назад, что, безусловно, дает ему бонусные очки. Если бы я знал, что муж моей близняшки ведет разгульную жизнь, я бы отправил его в реанимацию. В прошлом у Лики и Артура было много скандальных моментов, моя сестра едва не потеряла своих детей, когда Артур оставил ее, но это все было в прошлом.

Мы с этим мудаком раньше не ладили, но теперь, когда я сам стал отцом, мы смогли найти точки соприкосновения.

– Для тебя, – Артур протянул мне фляжку.

Я ослабил галстук, прежде чем принять подарок.

– Я не собираюсь напиваться до беспамятства.

– Я подумал, ты мог бы использовать ее, чтобы ударить себя по голове. Быть может, тогда ты передумаешь трахать

школьницу.

Я отвернулся, чтобы не смотреть на его нахальное лицо.

– Ох, заткнись нахуй, я не притронусь к ней.

– Да-да, – Артур сделал глоток алкоголя из собственной фляжки. – И что ты будешь делать? Вызывать шлюх на дом? Это еще отвратительнее.

– Ты вызывал себе шлюх, когда моя сестра отказывалась лечь с тобой в одну постель? – я смерил его прищуренным взглядом, намекаящим на то, чтобы он знал свои границы.

– У нас с Ликой не было с этим проблем, – резко ответит он. – Ты серьезно хочешь поговорить о сексуальной жизни своей сестры?

Представлять, как моя сестра-близнец занимается сексом – самая последняя вещь, которую я хотел видеть в своей голове в мальчишник.

Внезапно телефон Артура завибрировал и на экране светился видеозвонок от Лики.

– Папочка, привет! – писклявый детский голосок раздался из динамиков, а на экране показалось милое лицо моей племянницы. Она была точной копией Лики в детстве.

– Здравствуй, моя принцесса. Почему ты еще не спишь? – сказал Артур и я усмехнулся тому, как его голос изменяется каждый раз с угрожающего на нежный, когда он разговаривает со своими дочерьми.

В кадре появилась голова Лики и она выхватила телефон у Майи.

– Прости, любимый, не хотели тебя отвлекать, но Майя так скучала по тебе.

Я почувствовал неприятную тяжесть на груди от всей этой картины и отвернулся к окну, пытаясь сосредоточить свое внимание на пролетающих мимо пейзажах ночного города.

Артур был счастливым ублюдком, у него была жена и трое детей.

Когда наш автомобиль остановился у входа в ночной клуб, Артур продолжал разговаривать по видеосвязи со своей семьей. Я хотел прервать его, но мое внимание привлекла макушка темных волос, собранных в высокий хвост.

Камилла стояла в очереди в ночной клуб и улыбалась, а какой-то темноволосый сопляк обнимал ее за плечи.

– Ну что, идем? – сказал Артур, убрав телефон обратно в карман.

– Мальчишник отменяется, есть дело поважнее.

Глава 5

Камилла

– Поверить не могу, что ты заставил меня прийти сюда.

Я оборачиваюсь и оглядываю длинную очередь, которая простирается до конца улицы, хорошо слаженных охранников в черных костюмах, стоящих у входа в заведение и проверяющих посетителей на наличие колющих предметов. Временами двери клуба распахиваются, и вибрация современной музыки доносится до моих ушей, заставляя все мое тело дрожать.

Не то, чтобы я была снобом, но мое традиционное воспитание не одобряло подобные заведения, а профессора Лондонской школы искусств прививали нам любовь к произведениям великих композиторов мира.

– Завтра ты выходишь замуж, принесешь в жертву свою молодость и погрязнешь в детских какашках и бутылочках, так что перестань быть такой занудой, Мила, – Яр обнимает меня за плечо и взъерошивает волосы на моей макушке, отчего несколько прядей выбиваются из высокого хвоста.

– Если мои родители узнают...

– Твои родители не узнают, – друг обрывает меня, ему требуется секунда, чтобы встать передо мной и вцепиться в мои плечи мертвой хваткой. – Ты когда-нибудь подводила их?

Я отрицательно качаю головой, начиная тереть ладонь о

свои джинсы. Привычка.

– Ты всегда была гребаным белым одуванчиком, позволь себе этим вечером отпустить все запреты. Мы выпьем пару коктейлей, и я отвезу тебя домой.

Я еще раз взглянула в лицо Ярослава. Он был моим лучшим другом столько, сколько я себя помню, у меня нет причин не доверять ему.

Очередь начинает двигаться на удивление быстро, и уже через восемь минут мы оказываемся внутри. Сказать, что всего за десять минут пребывания в этом клубе я достигла своей сенсерной нагрузки, было бы преуменьшением.

– Что будете? – милая девушка-бармен с проколотым носом и в обычной белой футболке подходит к нам.

– Космополитен для дамы, а мне Б-52, – Яр подмигивает девушке, а та отвечает ему легкой улыбкой.

Я знала, что такое пирсинг, но впервые вижу, чтобы он был на девушке. Иногда мне кажется, что мое воспитание было слишком консервативным.

Я наблюдаю за тем, как она ловко переворачивает стаканы, смешивает напитки, и в результате ее махинаций получается восхитительный розовый напиток в стеклянном бокале на тонкой ножке.

– За твой удушающий брак, который, надеюсь, не разрушит тебя, – Яр поднимает горящий огнем шот вверх и улыбается мне своей фирменной улыбкой с ямочками. Я закатываю глаза в ответ на его язвительный тост.

– За мой брак, который должен принести счастье двум маленьким детям.

Мои руки трясутся, когда я подношу к губам бокал; все потому что я ни разу не пила подобную смесь алкоголя. Отец позволял мне выпить один бокал шампанского на светских вечерах в окружении дам из высшего общества, но когда жидкость попадает на мой язык и стекает по пищеводу, я чувствую приятный сладкий вкус на своих губах и жар, который возникает в груди от воздействия алкоголя.

Я чувствую на себе чей-то пристальный взгляд, но оборачиваясь, не нахожу источника подобного интенсивного внимания. Должно быть, это все моя паранойя; я впервые в ночном клубе и каждый раз, встречая мужчин в деловых костюмах, я с ужасом думаю, что это телохранители отца.

Я начинаю пританцовывать у барной стойки, продолжая держать в руках свой коктейль; почему-то я еще не слишком раскована, чтобы выйти в центр танцпола. Яр продолжает разговаривать с симпатичной барменшей, облокотившись на барную стойку, но временами я замечаю его взгляд на моем лице. Мой друг обещал не отходить от меня и сдерживает свое слово.

– Вооуу, это что за охрененный зад? – грубый невнятный мужской голос раздается за моей спиной и, прежде чем я успеваю повернуться, чьи-то потные ладони ложатся на мою талию.

Я замираю, словно меня приковали к полу цепями. Долж-

но быть, на моем лице отражается настоящий ужас, когда я оборачиваюсь и вижу, как какой-то татуированный парень, с косыми от алкоголя глазами, нависает надо мной и прижимается к моему телу своим тазом.

– Я... Я... – я начинаю заикаться, пятаюсь назад, пока мои икры не упрутся в барный стул. Мужчины никогда не при- трагивались ко мне в таком наглom жесте. В нашей семье честь женщина охранялась и ни один мужчина, кроме мужа, не имел права трогать женщин.

Периферическим зрением я вижу, как Яр выпрямляется и уже делает первые шаги в нашу сторону, чтобы, полагаю, отшвырнуть от меня незваного гостя, но из меня вырывается полувскрик, когда тело татуированного парня отбрасывается в сторону, а розовый коктейль проливается на мою белую футболку.

Все происходит, словно в замедленной съемке: мой жених отталкивает тело парня, отчего он больно ударяется головой об противоположную стену, Клим хватает его за футболку и несколько раз встряхивает прежде, чем ударить его по лицу. И во время этого акта насилия, лицо моего будущего мужа было бесстрастно, он выглядел таким равнодушным, словно он не напугал бедного парня до смерти.

– Ты пойдешь со мной, – рычит внезапно появившийся Артур и хватает Яра за локоть, начиная тащить его в другую сторону клуба.

Я ставлю полупустой бокал на неоновую стойку и уже

собираюсь последовать за другом, но чья-то сильная рука хватает меня на предплечье. Обернувшись, я сталкиваюсь с непроницаемым взглядом Клима.

– Ты заблудилась, моя дорогая невеста?

Я сижу на заднем сиденье тонированного автомобиля марки Бентли. Сиденья сделаны из дорого светлой кожи, из динамиков льется приглушенная спокойная музыка, а в воздухе витает аромат сандалового дерева и цитруса, понятия не имею, этот запах исходит от ароматизатора или от мужчины, сидящего рядом со мной.

На лице Клима застыла маска убийственного спокойствия и отчужденности, а я скрещиваю руки на груди и проделываю взглядом дыру в затылке водителя.

– Куда мы едем?

– Я везу тебя домой. Туда, где ты уже должна спокойно спать в своей кровати, в ожидании нашей завтрашней церемонии, – холодный взгляд оливковых глаз скользит по моему лицу, затем обратно возвращается к окну так, будто меня здесь и вовсе нет.

Я еще сильнее надулась и демонстративно отвернулась к окну. Я знаю, что веду себя как ребенок, но ничего не могу с собой подделать. Мой будущий муж силой выволок меня из клуба после того, как прилюдно ударил парня, пристававшего ко мне. Я его не защищаю, отнюдь нет, но разве он не мог вести себя мягче?

– Что будет с моим другом?

После того, как мы покинули здание клуба, последнее, что я увидела – это как Яр и Артур разговаривали на повышенных тонах.

– Артур расскажет ему о том, как должны вести себя настоящие мужчины.

– О, неужели? – я вскинула руки, открывая напоказ свою мокрую футболку с розовым пятном посередине. – По-твоему, настоящие джентльмены имеют право вмешиваться в чужую жизнь и заставлять молодых девушек выходить за них замуж?!

Клим лишь вздернул бровью.

– Мне казалось, что ты умная девушка, Камилла. Не заставляй меня пожалеть о моем решении взять тебя в жены.

Я должна быть зла на него из-за угрозы в его тоне, но почему от того, каким глубоким и хриплым голосом Клим произнес мое имя, я чувствую себя обеззаруженной? Мурашки бегут вдоль моего позвоночника, достигая крестца.

– Мы всего лишь хотели повеселиться, – пробубнила я.

– Сколько раз ты бывала в клубе?

– Это мой первый раз.

– Это правда? – его недоверчивый взгляд встретился с моим удивленным.

– Конечно! – мой голос надламывался от возмущения. – Отец бы откусил мне голову, если бы узнал.

Клим лишь кивнул.

Я сидела прямо, вжавшись лопатками в спинку сиденья, но старалась незаметно взглянуть на него: острая линия челюсти и нарочитая небритость, прямой аристократический нос и широкая шея с пульсирующей яремной веной. Клим был одет в черный костюм с белоснежной рубашкой, растянутой сверху на две пуговицы; его широко расставленные ноги позволяли детально рассмотреть его мощные бедра, обтянутые плотной дорогой тканью.

Я сглотнула, ощущая, как что-то непонятное зарождается в моем животе и простреливает прямо между ног. Мне пришлось свести колени, чтобы скрыть свою реакцию.

– Почему ты дрожишь? – спрашивает Клим, напугав меня.

Я посмотрела в его бесстрастные глаза. Неужели он действительно не догадывается?

– Почему ты не прикажешь этому остановиться? Возможно, мое тело подчиниться твоей команде.

Лицо Климас остался бесстрастным, и только правый его глаз несколько раз дернулся.

– Я ожидаю, что ты будешь более тщательно подбирать свои слова. Завтра я стану твоим мужем, и ты будешь уважать меня.

Я опустила глаза на его грудь, нервная улыбка застыла на моем лице. Пальцы Климас подцепили мой подбородок, и он надавил на него, заставив меня поднять голову и встретиться с ним взглядом.

– Ты – будущая мать моих детей, и ты не должна ходить

по сомнительным заведениям. Поняла?

– Поняла.

Я поджала губы, но не смогла отвести взгляд от его оливковых глаз.

– Хм, милый бантик, – просто сказал он и дотронулся до бежевого банта из атласной ленты на моем хвосте.

Его взгляд опустился к моей футболке, которая была мокрой и теперь плотно прилегала к моей груди, и далее произошло то, что выбило почву из моих ног: глаза Клима странно заблестели, но через мгновение блеск исчез, а сам он отвернулся к окну, будто ничего не произошло.

Глава 6

Клим ждал меня у арки-хупы с обвитыми белыми цветами и развевающейся на ветру полупрозрачной тюлью. Артур стоял справа от него, а напротив ждал Ярослав в своем безупречном смокинге и немного распухшей нижней губой.

Артур действительно указал Яру на его место, что доказывало мою беспрекословно принадлежность Климу, словно я была бездушной вещью.

Когда заиграла музыка, все направили свое внимание в мою сторону, и тогда я, держа за руку своего отца, ступила на дорожку, усыпанную лепестками белых роз. На мне было элегантное белое платье с кружевным верхом и длинными рукавами. Мои волосы были собраны вверх и украшены белым атласным бантом. Заметка обо мне: я обожала банты.

Я слегка улыбалась, когда отец вел меня к арке, но, думаю, мое напряжение было очевидным. Мои пальцы, сжимающие букет дрожали, ноги едва держали на высоких каблуках, а плечи были округлены. Глаза Клим встретились с моими, и на мгновение мне показалось, что я увидела в них вызов, однако это картинка была мимолетной. Когда папа вложил мою руку в ладонь Клим, моя улыбка дрогнула.

Несмотря на ужас, пронизывающий каждую клеточку моего тела, я держала голову высоко, создавая впечатление, будто я входила в этот брак добровольно. Только Клим чув-

ствовал, как я дрожу, но вопреки тревоге, мое “да” было твердым, словно эта связь действительно была моим выбором.

Пока мы обменивались кольцами, я то и дело бросала на Клима неуверенные взгляды. Я искала в его глазах намеков на эмоции: тоску или даже печаль. Вспоминает ли он о своей первой свадьбе? Сожалел ли он о своем решении?

– Можете поцеловать невесту, – сказала женщина-регистрактор.

Мои глаза расширились, я метнула быстрый взгляд в сторону всех гостей, будто ища среди них признака сестры. Мне казалось кощунством целовать Клима, когда тело Веры еще не успело остыть. У меня возникло непреодолимое желание вырвать свою руку из лап Клима и сбежать с собственной свадьбы.

Словно прочитав мои мысли, Клим обхватил ладонями мой затылок и низко наклонился. Я оставалась неподвижной, за исключением моих глаз, которые закрылись за секунду до того, как он крепко прижался губами к моим.

До этого момента мне казалось, что поцелуй перед сотнями глаз был не больше, чем формальность, но то, как Клим углубил поцелуй, кричало о том, что ему было сложно оторваться от меня.

Он отстранился, и я открыла глаза, пытаясь выдержать силу его взгляда, я почувствовала, как румянец заливает мои щеки. Когда женщина, наконец, объявила нас мужем и же-

ной, Клим взял меня за руку и повел по проходу, прямо к французским дверям, которые вели в банкетный зал.

Прежде, чем гости успели последовать за нами и занять свои места за столами, мой муж наклонился ко мне и провел пальцем по большому банту на моих волосах.

– Почему ты не надела те бриллиантовые серьги, которые я тебе купил?

Я вздрогнула от холодного неодобрения в его голосе.

– Они не подходили к моему свадебному платью.

– Прекрати носить эти атласные банты, словно девочка-подросток.

– Что не так с моими бантами? Я люблю ленты, – я нахмурилась, но увидев, как мама и папа направляются в нашу сторону, мне пришлось скрыть свое недовольство за маской счастливой невесты.

– Они слишком легкомысленны, слишком причудливы. *Все в тебе слишком.*

Что-то неприятное кольнуло меня в грудь от его резких слов. Знал бы Клим, что я неделями боролась с мамой за то, чтобы надеть бант на свою свадебную прическу вместо бриллиантовой диадемы, словно чертова принцессы Англии. В конце концов, папа, как обычно, решил дело в мою пользу.

Я позволила себе взглянуть в его сторону: Клим выпрямился, для него этот вопрос был решен. Он отдал свой приказ и, конечно, ожидал, что я подчиняюсь, но я не собиралась носить все эти бриллианты и изумруды, словно его кук-

ла. Однако я улыбалась, когда отец пожал руку Климу, а мама крепко обняла меня.

– Выгляди счастливой, моя дорогая, – прошептала она. – Вера будет спокойна, зная, что теперь ее дети в безопасности.

Моя улыбка стала натянутой. Какое счастье, мама? Вера умерла, оставив после себя двух маленьких детей. И теперь мне пришлось занять ее место.

Мамино лицо исказилось.

– Ради Бога, Камилла! Постарайся хотя бы не плакать, не испортить нам все торжество.

Мама даже не понимала, насколько она жестока со мной. К счастью, ко мне подошел папа и заключил в свои объятия. Мы с ним всегда были ближе, Вера была точной копией мамы, со своими светлыми волосами и покорным нравом, а я унаследовала темные волосы отца и его импульсивный характер.

– Ты самая красивая невеста.

– Перестань, мы оба знаем, что это не так, – пробормотала я. Мой подбородок задрожал, и я улыбнулась через силу, заставляя себя не плакать.

– Твоя сестра гордится тобой. Мы все гордимся тобой, – тихо сказал папа.

Я поцеловала его в щеку, и он неохотно отодвинулся, освобождая место для родителей Клима. Точнее, только для его отца, я слышала, что мать моего мужа умерла много

лет назад от онкологии. Ко мне подошел высокий мужчина, немного суховатый, с седыми волосами и морщинистым лицом; он держал за талию молодую девушку, едва старше меня по возрасту.

Я поджала губы, увидев эту картину, и краем глаза взглянула на своего мужа, который выглядел напряженным, когда его отец поздравлял нас с женитьбой. Неужели это их семейное? Жениться на молодых девушках?

Позади отца Клима стоял Артур со своей женой Ликой, которая смотрела на отца ненавистным взглядом. Что-то мне подсказывало, что их отец не был хорошим родителем для своих детей. Лика являлась сестрой-близняшкой Клима, однако они совсем не были похожи, единственное их сходство – оливковый оттенок глаз. Лика была грациозной и спокойной, высоко держала голову и широко расправляла плечи; она была невероятная в своем темно-зеленом платье и с изумрудном колье на шее. Именно такой была Вера, и именно такой я и должна быть. Клим не хотел меня. Он хотел, чтобы я стала той, кто ему необходим. Красивым дополнением к богатому мужчине.

Во время банкета я с трудом заставляла себя проглотить еду. Клим не общался со мной, только с моим отцом и Артуром. Я сидела рядом с ним, как красивое украшение.

Я искоса взглянула на Клима. Черты его лица были по-своему привлекательны. Острые скулы, сильный подбородок

и темная щетина. Я никогда не видела его ни в чем другом, кроме как в костюме-тройке, но его мускулы были безошибочны.

– Мой брат не такой холодный, как кажется, – прошептала Лика, удивив меня.

Я еще не так много с ней общалась, мы были незнакомы, несмотря на то, что являлись золовками, не говоря уже о том, что она была на одиннадцать лет старше меня. Мои щеки омыло румянцем, когда я поняла, что она, должно быть, заметила, как я смотрю на Клима.

– Ты ведь не так давно окончила школу, да? – спросила она.

Я кивнула с легкой улыбкой.

– Да, я поступила в Высшую школу искусств в Лондоне.

– Правда? Я не знала, – Лика удивленно распахнула глаза, и лучезарная улыбка тронула ее губы. – Высшая школа в Лондоне... Должно быть, туда очень тяжело поступить?

– Да, – я засмушалась, но впервые за весь день ощутила легкость от разговора с сестрой мужа. – Я окончила школу с золотой медалью и в школе искусств была лучшая на потоке.

– Что ты изучала?

– Я училась на кафедре виолончели и контрабаса.

– Тебе нравится то, чем ты занималась?

– Конечно! – выпалила я с бешеным энтузиазмом, который появлялся каждый раз, когда я говорила об искусстве. – Искусство – моя жизнь, я могла бы играть днями и ночами...

Ли́ка захихикала.

— Клим — чертовски счастливый мужчина. Мало того, что ты молода и красива, так еще и невероятно умна.

Я сжала салфетку под столом и посмотрела на ее лицо с нескрываемым шоком. Эта изысканная леди только что сказала “чертовски”? Ли́ка — обладательница невероятной внешности, назвала меня красивой?

— Но... — я запнулась. — В моем нынешнем положении, о возвращении к учебе не может быть и речи.

— Это правда. Ты будешь занята воспитанием детей моего брата, так что тебе не будет скучно.

Как всегда, мое сердце заби́лось с бешеной скоростью, когда я думала о том, что теперь несу ответственность за двух маленьких детей. Я понятия не имела, что такое дети. За последние месяцы, когда отец сообщил мне о моем замужестве, я провела бесчисленное количество часов в нашей библиотеке, изучая книги о воспитании детей. Но как говорили наши профессора в школе искусств: читать и делать — это совершенно разные вещи.

Ли́ка коснулась моей руки, и ободряющая улыбка тронула ее губы:

— С тобой все будет хорошо. Я буду приезжать и помогать тебе.

Должно быть, Клим услышал слова Ли́ки и вклинился в наш разговор:

— У тебя трое детей, ты и так по горло в делах. Камилла в

состоянии справиться со всем сама.

Ох, Боже... Он просто прикажет мне быть хорошей матерью?

– У тебя трое детей? – я расширила глаза и уставилась на лицо Лики. Она улыбнулась и покачала головой.

– Двое близнецов и младшая Майя. Яну и Миле сейчас почти десять, а младшенькой всего пять, – ответила Лика.

Я еще раз оглядела Лику: она выглядела такой молодой, подтянутой и изящной, я бы никогда не сказала, что она многодетная мать. Неожиданно к нам подошел Артур и, пригласив на танец свою жену, увел ее вглубь танцпола. Я часто видела на лице Артура суровую жестокость, меня пугала его давящая аура, но то, с каким трепетом он прижимался к Лике и с какой бешеной любовью смотрел на свою жену – окончательно добило меня. У этой пары было то, чего никогда не будет в моем браке: *любви*.

Глава 7

Папа пригласил меня на танец, и он все время продолжал спрашивать, что с моим лицом, но я действительно не видела причин говорить ему о том, что я – самая несчастная невеста на свете. Кроме того, я сама согласилась на этот брак, какое право я имела жаловаться?

Моя мать танцевала с Климом, и ее губы безостановочно двигались по время танца. По ее восторженному выражению лица можно было подумать, что она – счастливая невеста.

– Теперь моя очередь, – сказал Яр, перехватывая меня у отца.

Моя улыбка перестала быть нервной, когда мой лучший друг оказался рядом. Казалось, будто он единственный был настоящим в этом постановочном спектакле. Яр быстро улыбнулся мне, и мы начали танцевать.

– Я рад видеть, что твой деспотичный муж не убил тебя после ночи в клубе, – сказал он, и я крепче обняла его.

– Клим не деспот, он просто...

– Собственник?

Я метнула взгляд в сторону Клим, который разговаривал с Артуром, но все его внимание было приковано к нам.

– Так и есть, – я кивнула. – Ты не выглядишь счастливым.

– Это из-за того, что прямо сейчас в голове твоего старика работают шестеренки, и он обдумывает план, как закопать

мой труп и при этом не попасться полиции.

Я засмеялась искренним и живым смехом. Впервые за несколько месяцев. Яр всегда так действовал на меня; даже если в его жизни творился настоящий хаос, он всегда находил время, чтобы поднять мне настроение.

– Он не подходит тебе, – голос друга стал серьезным и угрожающим.

– Потому что слишком стар.

Яр издал насмешливый смешок.

– Это лишь малая часть причины.

– Что ты знаешь? – я немного отодвинулась от него, чтобы заглянуть в глаза. Мой веселый друг на данный момент был предельно серьезен.

– Я немного порылся в его грязном белье. Клим эффектен и жесток. Он не терпит непослушания. Он держит всех людей в своей винодельне под контролем. И никто еще не мог пробить его холодную маску.

Кроме Веры.

– Хочешь, я увезу тебя отсюда? Мы купим билеты в какой-нибудь Богом забытый остров на краю мира и проведем там остаток своей жизни. Так я мог бы избавить тебя от этого брака.

– Ты это несерьезно... – я посмотрела на лицо друга, мне казалось, что он шутит, но в его глазах горела непоколебимая уверенность.

Ярослав был храбрым парнем, но рисковать своей жизнью

ради меня? Я бы этого не допустила.

– Нет, – прошептала я в ужасе.

– Я хочу помочь тебе.

– Тогда скажи мне, что мне нужно сделать, чтобы брак с ним сработал.

Яр невесело улыбнулся.

– Откуда мне знать? – наш танец закончился, когда Клим подошел к нам, и прежде, чем моему мужу удалось забрать меня, Яр прошептал: – Повинуйся ему.

Отчаяние раздирало мой разум. Пару месяцев назад я думала о том, как успеть выучить все лекции и найду ли я время закончить свою композицию. Сегодня я должна думать о том, как угодить мужу, который был непробиваемым Айсбергом, и как стать хорошей мамой для двух его детей.

– Нам пора ехать в отель, – сказал Клим, взяв меня за локоть.

– Не заставляй меня надирать тебе зад, брат, – сказали Лика, когда подошла к нам с мужем. – Будь нежен с этой девушкой, она невероятная.

Мои внутренности сжались от страха, пронизывающего все мое тело. Этот момент наступил... Моя первая брачная ночь.

– Что с тобой? – спросил Клим, ведя меня по длинному коридору, с разными картинами на стенах. – Ты вся дрожишь.

Он целомудренно держал свою ладонь на моей пояснице, но, полагаю, даже плотная ткань моего платья не смогла скрыть мою дрожь.

Я поджала губы и мертвой хваткой вцепилась в ремешок своей сумки.

— Моя мама сказала, что я должна угодить тебе и постараться скрыть свою неопытность, — я раздраженно фыркнула. — Сейчас я просто пытаюсь не упасть в обморок от страха, ясно?

Я замерла, когда Клим провел ключ-картой по замку, открыл дверь номера и жестом пригласил меня войти внутрь. Я прошла мимо него, мое свадебное платье мягко шелестело от каждого движения. Я скользнула по мужу быстрым взглядом, чтобы понять его настроение, но, как обычно, выражение его лица было нечитаемым.

В номере стояла королевских размеров кровать из черного дерева с белыми атласными покрывалами.

— Ванная за этой дверью, — сказал Клим, кивнув в сторону двери из темного дерева справа от меня.

Я мешкала. Я была чертовой неопытной дурой. Он хотел, чтобы я освежилась? Клим закрыл дверь номера и начал ослаблять узел своего галстука. Разве он не должен был меня раздеть? Муж подошел к окну и стал смотреть в него, повернувшись ко мне спиной. Я была слишком сообразительна, чтобы не понять его намек.

Я вошла в ванную из черного мрамора и начала быст-

ро раздеваться, чтобы принять прохладный душ. Высохнув, я надела атласную ночную сорочку нежно-розового цвета с кружевом, которую мама специально купила для этой ночи.

Мой желудок снова свело от нервов и волнения. Я дала себе несколько минут собраться, чтобы перестать трястись и затем вернулась в спальню. Я позволила себе недолго полюбоваться мужем в этом черном костюме: он выглядел сильным и искушенным, неприкасаемым с засунутыми в карманы брюк руками.

Ледяной, холодный, безэмоциональный и сдержанный.

Я прочистила горло, и он повернулся ко мне. Зеленые глаза Клима вскользь прошлись по моему телу, но их выражение не изменилось. Не было даже искры желания.

Должно быть, Клим видел во мне Веру, хоть мы и не были похожи, мы были родными сестрами и у нас имелись общие черты лица. Именно это останавливало Клима? Я догадывалась, что многие мужчины находили мою внешность приятной, при этом никогда не видели меня полураздетой, но, Клим, похоже, не интересовался мной. Я не хотела с ним спать, но почему я чувствую себя такой ущемленной и униженной?

Очевидно, он считал меня уродиной.

– Ты можешь лечь. Я приму душ, – произнес он.

Я подошла к кровати и скользнула под одеяло. Пока мой муж принимал душ, я уставилась в потолок, погружаясь в свои размышления. Клим любил Веру, и новая женитьба,

должно быть, действительно стала для него испытанием, но это он стал инициатором этого брака, а не я.

Вода в душе лилась долго и, в конце концов, мои веки отяжелели. Я пыталась бороться со сном, но, в какой-то момент, я задремала, потому что резко проснулась, когда прогнулась кровать. Мои глаза метнулись в ту сторону кровати, где вытянулся Клим: его грудь была обнажена, а волосы мокрые после душа. Его холодные глаза нашли мои, и невозможно было прочесть его мысли.

– Нам завтра рано вставать, – просто сообщил он, а затем выключил свет и отвернулся от меня.

Я была рада, что темнота скрыла мой шок. Я прождала еще несколько минут, размышляя, не передумает ли он и заявит ли свои права на меня, но он этого не сделал. Он тихо и неподвижно лежал рядом со мной, его спина была в паре десятков сантиметрах от моей руки.

Прислушиваясь к его ровному дыханию, я облегченно выдохнула. Я не хотела заниматься с ним сексом, но почему, я чувствую, будто у меня отняли то, что должно принадлежать мне?

Хотя мы не соприкасались, я чувствовала исходящее от Климa тепло. *Он не был Айсбергом.* И именно поэтому должен быть способ пробить его маску.

Глава 8

Было почти восемь часов вечера, когда мы, наконец, подъехали к особняку Клима, великолепному двухэтажному зданию из коричневого камня, белыми французскими окнами и старыми кривыми деревьями на лужайке перед домом. Клим припарковался в одном из двойных гаражей, вышел из машины и открыл мне дверцу.

Мой желудок свело спазмом, теперь это был мой дом, и я скоро вновь увижу племянников, которых буду растить и воспитывать. Рука Клима легла на мою поясницу, и он повел меня к дому; судорожный вздох вырвался из моего горла, когда Клим вставил ключ в замок.

– Теперь это твой дом, – его холодный взгляд упал на меня, и я неуверенно улыбнулась ему.

Клим хоть и был холодным человеком, но он не любил, когда кто-то не следовал его правилам. Мне придется бороться за каждую частичку власти и свободы – он не отдаст добровольно ни то, ни другое.

– Ты проведешь мне экскурсию по комнатам? Вряд ли мне удастся достойно принимать гостей, если я буду плохо ориентироваться в доме.

Клим снял свою обувь и даже не удосужившись посмотреть на меня, прошел дальше по коридору прихожей.

– Ты права.

Меня охватило волнение, но оно моментально улетучилось от его последовавших за этим слов:

– Ирина!

Мгновение спустя дверь, наполовину скрытая массивным буфетом, открылась, и невысокого роста стройная женщина вошла в комнату и направилась к Климу.

– Добрый вечер, Клим Олегович, чем могу помочь?

– Моя жена, – кивнул Клим в мою сторону, и Ирина повернулась ко мне, как будто только что заметила меня. Ее высокомерный взгляд прошелся по моему лицу и телу и остановился на черном банте на моих волосах. – Камилла хочет экскурсию по дому. Я буду занят, поэтому покажи ей тут все.

Высокомерный взгляд Ирина сразу же исчез, стоило ей снова посмотреть на моего мужа.

– Желаете отправиться прямо сейчас? – ее голос был тихим и покорным, когда она обратилась ко мне.

– Да, пожалуйста.

Клим развернулся и уже направлялся дальше по коридору, по пути стягивая пиджак с плеч. Я чувствовала себя выброшенной за борт.

– Тебе начать с кухни и комнаты для персонала? – на этот раз голос Ирины трещал от недовольства и необоснованной ненависти. Она скрестила руки на груди и вздернула одну бровь, выжидающе взглянув на меня.

Я прочистило горло, чувствуя, как мои границы нарушаются. Перед Климом она лепетала и боялась лишний раз

взглянуть на него, но стоило ему уйти, как служанка сразу же перешла на “ты”.

– Делай так, как считаешь нужным, – сказала я уверенным голосом, не разрывая зрительный контакт с Ириной. – Ты знаешь дом лучше, чем я.

Ирина шагала вперед, не проверяя, иду ли я за ней. Мне пришлось проглотить свою уязвленную гордость, мне стоило научиться выбирать свои битвы. Коричневая дверь вела в небольшую кухню. На крюках, прикрепленных к потолку, висели кастрюли. Все они были из нержавеющей стали, и это место больше напоминало мне какой-то цех, нежели домашнюю кухню.

Полная пожилая женщина проверяла температуру в духовке. Внутри готовилось что-то напоминающее на жареную утку. Это, должно быть, кухарка. Она обернулась, как только мы вошли, и поспешила вытереть руки о свой белый фартук.

– Я провожу экскурсию для Камиллы, – резко бросила Ирина, опершись на кухонный островок в вальяжной позе.

Пожилая женщина нахмурилась, когда сжала в руке полотенце и уперлась кулаками в бедра.

– Для тебя она госпожа... или Камилла...? – она бросила на меня неуверенный взгляд.

– Константиновна...

– Камилла Константиновна, – закончила свое предложение кухарка и снова нахмурилась на Ирину.

Меня поразило слово “госпожа”. Это прозвучало так,

словно я была их рабовладелицей.

– О, Господи, только не госпожа... – быстро сказала я.

– Еще бы, тебе сколько? Шестнадцать? – надменно про- бурчала Ирина. – Было бы неплохо познакомиться до сва- дьбы.

– Ирина! – возмущение застыло на лице кухарки.

Я изо всех сил постаралась сохранить спокойствие на ли- це, даже если ее тон мне не понравился. Мне не хотелось начинать общение с обслуживающим персоналом дома с неприятной ноты.

– Клим не приглашал меня домой до свадьбы, и не думаю, что было бы уместно напрашиваться.

– Веру Константиновну он представил нам до свадьбы, – фыркнула она.

– Меня зовут Марина, – кухарка поспешила заткнуть на- доедливую Ирину и с сияющей улыбкой подошла ко мне. – Я работаю поваром в этом доме уже около пяти лет, также я была няней Алисы и Кира, когда Веры Константиновны не стало.

Я потянулась к руке Марины и взяла ее ладонь в свою.

– Рада познакомиться с вами, Марина, – женщина в ужа- се смотрела то на меня, то на наши соприкасающиеся руки. Должно быть, хозяйке дома не подобает так близко общать- ся с прислугой. – И спасибо вам за то, что присматривали за моими племянниками, когда они больше всего в этом нуж- дались.

Глаза двух женщин округлились.

– О, так Вера Константиновна...?

– Моя старшая сестра.

– Матерь Божья! – воскликнула Ирина писклявым голосом.

При упоминании сестры я невольно напряглась, ничего не смогла с собой поделать. В голосе Ирины слышалось осуждение, она явно считала меня менее достойной, чем Вера, и у меня было такое чувство, что она не позволит мне забыть об этом. Мне не хотелось устраивать с ней битву характеров, и у меня определенно не хватило бы сегодня для этого выдержки.

– Получается, Вера часто здесь готовила?

Ирина возмущенно посмотрела на меня, положив руку на грудь.

– Конечно, же нет! Вера Константиновна была хозяйкой дома. Она не готовила и не убирала.

– Что ж, меня вы будете видеть на кухне часто. Я люблю готовить.

Ирина скрыла свой смешок.

– Не знаю, позволит ли Клим Олегович...

Я вздернула подбородок, непоколебимая уверенность слышалась в моем голосе.

– Мой муж сказал, что это мой дом, и я могу делать все, что захочу.

Марина довольно захихикала, смерив разгневанную Ири-

ну победным взглядом. Очевидно, в первый день в этом доме я нажила себе хорошего друга и злейшего врага.

– Могу я увидеть своих племянников?

Я нашла Клима в его кабинете, сидящим за дубовым столом в окружении высоких кип бумаг. Как только я вошла и задала свой вопрос, Клим нахмурил брови, но все же нехотя встал со своего места.

Сначала он отвел меня в комнату Алисы. Я не видела свою племянницу очень много лет и, должно быть, она стала ужасно взрослой. Как только мы поднялись на второй этаж, до меня стали доходить писклявые голоса и, как только Клим толкнул дверь детской, этот звук усилился.

Макушка светлых волосы торчала из-под груды одеял и подушек, а маленькая пяточка свисала с края кровати. Алиса лежала в своей кровати, с растрепанными волосами, словно после сна, и держала в руках айпад, на котором очень громко играл мультфильм. Она прислоняла экран гаджета так близко к своему лицу и смотрела, словно загипнотизированная, что мне стало не по себе.

– Алиса, – холодно сказал Клим. – Это Камилла – твоя мама.

Девочка высунула свою голову из-за огромного одеяла, мое сердце замерло от того, насколько она была похожа на Веру. Я схватилась за дверной косяк, пытаюсь удержать свое самообладание. Прямо передо мной сидела детская копия

моей покойной сестры. Господи... Не представляю, как тяжело Климу смотреть на лицо дочери и видеть свою покойную жену.

Голубые глаза девочки нашли мое лицо, она нахмурилась, отчего ее маленький носик дернулся, затем девочка обратно вернулась к просмотру своего мультфильма, пытаясь игнорировать наше присутствие.

– Почему она все еще в пижаме? – тихо спросила я.

Клим нахмурился.

– Потому что она не дает Марине переодеть себя, – он преодолел разделяющее их расстояние и одним рывком вырвал из рук Алисы планшет.

Через секунду раздался пронзительный детский вопль.

– Отдай! – Алиса вскочила на ноги и бросилась на отца, пытаясь отобрать свою игрушку. Она пыталась залезть по телу Клима, била по его груди маленькими ручками и кричала, как раненый зверь.

Мое сердце ускорило свой ритм в груди и у меня возникло дикое желание убежать из этого дома.

– Верни! Верни! Мое! – продолжала кричать Алиса и теперь по ее румяным щекам текли горькие слезы.

– Что я говорил тебе насчет мультиков? Сначала сними эту пижаму и расчеши волосы, потом получишь обратно свой айпад!

Клим пытался сдержать свой гнев и доходчиво объяснить своей дочери порядок вещей, но то, как сильно сжималась

его челюсть, пульсировали вены на руках и нервно дергался кадык на шее – я поняла: он в бешенстве.

Когда Алиса впала в истерику, Клим опустил руку, и девочка тут же схватила свой планшет. Ее невыносимые крики и слезы сразу же прекратились, и через мгновение она уже снова лежала в своем ворохе одеяла и, шмыгая носом, уткнулась в экран гаджета.

Клим устало вздохнул и начал растирать руками лицо.

– Я не знаю, что с ней делать.

Его взгляд нашел мое перекошенное от ужаса лицо, и его разочарование стало еще сильнее.

Без всяких слов мы подошли к соседней двери, а когда вошли в комнату, я сразу заметила, как сильно атмосфера отличалась от комнаты Алисы. Здесь было тихо и умиротворенно. Мы подошли к детской кроватке, в которой лежал маленький комочек, одетый в голубое детское боди и белые носочки.

Полугодовалый Кир лежал на боку и сладко посапывал во сне. Я тайком взглянула на лицо Клима: его черты лица разгладились, и впервые в жизни я увидела в его глазах намек на эмоции. Это была привязанность, сильная привязанность к своим детям. Он погладил пухлую щечку сына большим пальцем, потом наклонился и поцеловал его в лобик.

Я произвольно сжала перекладину кроватки, от нахлынувших на меня эмоций. *Айсберг не был холодным*, это был лишь фасад для окружающего мира; на самом деле под

маской отчужденности скрывался любящий отец и, должно быть...муж.

Клим накрыл Кира тонким одеялом, и мы уже собирались уходить, как внезапно я остановилась рядом с кроватью младенца.

– Не думаешь, что будет лучше взять радионяню на ночь?

Клим замер спиной ко мне, по тому, как его пальцы нервно постукивали по бедру, должно быть, я застал его врасплох. Я начинаю читать этого тяжелого мужчину. Не сказав мне ни слова, он развернулся, подошел к кровати, взяв радионяню.

– Откуда ты знаешь? – спросил Клим, когда мы вышли в коридор.

Я пожала плечами.

– После нашей помолвки я читала про воспитание детей, и в одной из статей говорилось про радионяни. И, увидев ее возле кровати, я подумала, что она нам пригодится, – я прикусила губу. – Разве Вера или Марина не брали ее с собой?

Клим повертел в руках маленькое устройство.

– Да, они брали ее по ночам, но я не думал об этом.

Я протянула руку и взяла радионяню из его ладоней.

– Пойдем спать, мне завтра рано вставать, а Кир, скорее всего, разбудит нас этой ночью несколько раз.

Мы не разговаривали после того, как я вышла из душа, не говорили, когда переоделись в одежду для сна, не обмолви-

лись ни словечком, когда легли в одну постель.

Клим проверил какие-то новости в своем телефоне, затем отвернулся и выключил свет на прикроватном светильнике.

– Доброй ночи, – прошептала я.

– Доброй ночи, Камилла, – ответил Клим в темноте. Его голос по-прежнему был холодным и грубым, но я слишком устала, чтобы в очередной раз пытаться разгадать его характер.

Глава 9

Клим

Пронзительный крик прорвался сквозь мой сон. Я поднялся с кровати и взглянул на риодняню.

– Кир.

Камилла смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Была поздняя ночь и мой мозг работал медленнее, чем обычно. Крики Кира становились еще сильнее, напоминая нам о своем существовании.

– Так и должно быть? Почему он так кричит? – Камилла была похожа на оленя в свете фар. Она вскочила на ноги, его ступни были босые, лунные свет падал на ее лицо и отбрасывал тени, ужесточая черты лица. Она обнимала себя за плечи, одна лямка ее ночной кружевной сорочки спала с плеча и сейчас она выглядела невинно и...сексуально.

– Он голоден, – я вздохнул и встал, чувствуя невероятную усталость в теле.

– Что я должна делать? – она потерла ступней по икре другой ноги и не сводила меня широко раскрытых глаз, пока Кир продолжал орать через радионяню. Камилла выглядела так, словно это была ее работа – утешать плачущего ребенка и делать все, что требуется в подобной ситуации.

Камилла накинула халат и последовала за мной. Я уже спускался вниз, чтобы приготовить смесь для Кира, но Ка-

милла замерла на первой ступеньке лестницы.

– Может, будет лучше сначала успокоить его, а потом приготовить еду?

Я посмотрел на нее через плечо и медленно кивнул. Раньше Вера всегда готовила смесь, пока я успокаивал нашего сына, и как только она начинала кормить его, я возвращался в постель.

Когда мы с Камиллой вошли в детскую, то лицо Кира уже было красным от криков и сморщенным. Его крики разрывали меня на части. Я был жестоким и холодным человеком, но чувствовал себя беспомощным перед маленьким орущим ребенком. Кир всегда был спокойным ребенком, Вера вставала всего один раз за ночь, чтобы покормить его и поменять памперс, но после смерти жены он превратился в настоящую плаксу, как будто мог чувствовать, что его мать погибла. Теперь мне казалось, что каждый его крик звучал с оттенком обвинения, и ощущение моей вины на плечах стало еще сильнее.

Я подошел к кровати и взял сына на руки, тогда он ненадолго замолчал. Его карие глаза блуждали по моему лицу, будто он пытался понять, почему его держу я, а не Вера. Вздыхнув, я направился обратно к двери, где с застигнутым врасплох выражением лица стояла Камилла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.